

ЖАВОРОНОКЪ

ДѢТСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

1915 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Выпускъ третій.

	СТР.
Капризы. Стихотвореніе <i>Юр. Зубовскаго</i>	50
Галѣ. Стих. <i>Алекс. Липецкаго</i>	50
Извозчикъ Миша. Разказъ <i>А. Вережникова</i>	52
Пусть... Стихотвореніе <i>А. Кирьева-Гатчинскаго</i>	59
Дорого начало. Стихотвореніе <i>А. Липецкаго</i>	59
Философъ и столяръ. Сказка <i>А. Липецкаго</i>	60
Какъ надо читать книги. Изъ книги <i>Н. В. Чехова</i>	63
Игры и развлечения	64

КАРТИНЫ:

Одна' вклейная картина, исполненная
красками.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Аэропланъ Блеріо. Модель для склеива-
нія на 4-хъ листахъ.

Къ свѣдѣнію Гг. подписчиковъ.

За перемѣну адреса взимается 30 коп. почтовыми
марками и необходимо прилагать свой прежній адресъ
съ бандероли, безъ чего перемѣна невозможна.

Необходимо прилагать печатный адресъ при всѣхъ
обращеніяхъ въ редакцію.

Лицамъ, пользующимся разсрочкой и не уплати-
вшимъ денегъ своевременно, высылка журнала немед-
ленно прекращается.

Заявленія о неполученіи какого-либо № журнала
передаются въ почтамтъ для разслѣдованія и должны
быть высланы не позже полученія слѣдующаго №.
Неаккуратная доставка журнала въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ
почтовыхъ учрежденій, должна быть разслѣдована
самими подписчиками.

Р. 111-112

Дрейтонъ.

Холодно.

1-го Февраля 1915 г.

XV / 112

Жаворонокъ.

БИБЛИОТЕКА
А. РУМЯНОВСКОГО

Элденъ.

УСЛУЖЛИВЫЙ.

Годъ 3-й.

Выпускъ 3-й.

Капризы.

Моя курчавая, веселая шалунья,
Принцесса бѣлокурая изъ сказокъ,
Сегодня ты грустна, сегодня ты плакунья,
Сегодня ты не осушаешь глазокъ.
Въ саду—печально. Облачныя ризы
Закрыли солнце. Нянька топить печки,
А въ дѣтскую твою пришли съ утра капризы—
Сердитые и злые человѣчки.
Они—назойливы, ихъ выгнать очень трудно:
Прогонишь ихъ, они приходятъ снова,
Вотъ, если-бы трава сверкала изумрудно
И голубѣло небо бирюзово,
Лучи веселые съ цвѣтами цѣловались
И не стучали-бы заслонкой печки,
Ты убѣжала-бъ въ садъ, а въ дѣтской-бы остались
Обманутые, злые человѣчки.

Юрій Zubовскій.

Галѣ.

Ты далеко, моя малютка.
Въ домишкѣ ветхомъ тишина.
Морозъ стучить объ стѣну жутко
И смотреть-смотреть изъ окна.
Старушка-бабушка рукою
Махаеъ ему,—онъ все стоить.
Но ты ужъ спишь, и надъ тобою
И бабушка и кошка спить.
Одна лампада у кіота,
Мерцаеъ синимъ огонькомъ,
Въ тиши рассказываетъ что-то
И улыбаеъся тайкомъ.
Она всю ночь горить на стражѣ.
Спокойно спи, дитя мое!
Ни снѣгъ, ни тьма, ни буря даже
Сердечко не смутяъ твсе!

Алексій Липецкій.

Л. Перрольтъ.

МИЛАЯ МАМА!

З. Айдукевичъ.

ОПАСНОЕ ВЕСЕЛЬЕ.

Извозчикъ Миша.

Разсказъ А. Вережникова.

I.

Цѣлый день въ ушахъ звенѣло: мобилизація. И слово-то это Миша услыхаль въ первый разъ. Мать плакала и со слезами шептала «миллизация».

Мишинъ отецъ, легковой извозчикъ, въ этотъ день не поѣхаль на биржу. Досталь изъ сундука съ самага дна книжечку въ синей обложкѣ, перекрестился на иконы и, направляясь къ дверямъ, сказалъ матери:

— Не расточай слезы-то понапрасну! Не я первый, не я послѣдній—всѣмъ объявлена мобилизація. Въ газетахъ пишутъ: «война»... А можетъ и пронесетъ Господь Богъ!

Вышелъ отецъ, а мать пуще прежняго завывала. И Саша, Мишина сестра, года на два моложе его, тоже захныкала. Вокругъ матери и сестренки-няньки собрались всѣ малыши: Коля, Степа и Настюша—самая маленькая. Только-только научилась ходить, а то все ползала по полу и простужалась. Эти не понимали, куда отецъ пошелъ, и не знали, что это за мобилизація, но всѣ присмирѣли и наперебой полѣзли къ матери, точно бука пригрозилъ имъ пальцемъ изъ темнаго угла.

Но Миша не поддакъ этому настроенію, онъ былъ на сторонѣ своего отца. Мишинъ отецъ не любилъ много разговаривать.

Еще наканунѣ вечеромъ мать спросила его:

— Можетъ, тебя не возьмутъ—забракують?

Отець отвѣтилъ коротко и затылка не почесаль:

— Слава Богу, живъ, здоровъ, ноги, руки цѣлы. За што браковать-то!?

Мать было всхлипнула, но на первый-то разъ не дала воли слезамъ—сдержалась и притихла. Отець молча взялся за ложку и глазомъ не моргнулъ.

Такъ мать и осталась «съ носомъ» по мнѣнію Миши. Онъ обидѣлся на нее: какъ она могла подумать, что его отца «забракують»? И, ложась спать, Миша соображалъ: и то, на войну берутъ сильныхъ, да здоровыхъ, чтобы непріятель не одолѣлъ. Храбрымъ надо быть!

И въ храбрости своего отца Миша не сомнѣвался. «Хоть и извозчикъ, а можетъ показать свою удалъ!»—рѣшилъ онъ въ своемъ умѣ. Свернулся въ комочекъ и заснулъ богатырскимъ сномъ. И утромъ, когда отецъ пошелъ на сборный пунктъ, смотрѣлъ на него глазами, въ которыхъ свѣтилась гордость. Слезы матери его тронули, и онъ присмирѣлъ, но не расплакался. Задумался не на шутку, тряхнулъ головой, какъ взрослый, и ужъ для слезъ не было мѣста.

— Ну, мама, не плачь! Слышь, мама?—произнесъ онъ плаксиво, но какъ-то сразу спохватился, приосанился, подумалъ: «всѣ, моль, плачуть, неужто и я заплачу, да нѣтъ, не заплачу!». И не заплакалъ: выкатились изъ глазъ мокрая капельки, одна, другая, утерся рукавомъ и такъ, чтобы не видѣли свои.

— Пусть поплачуть... Поплачуть да перестануть. И то, вѣдь, чижало!—со вздохомъ произнесъ Миша. Рѣшилъ пойти въ конюшню, посмотрѣть, не плачетъ-ли и лошадка Воронуха. Съ ней Миша даже умѣлъ разговаривать: дѣлился своими горестями и радостями. И на этотъ разъ рѣшилъ побесѣдовать съ Воронухой по душамъ. Рѣшилъ рассказать ей, что объявлена мобилизація и отца потребовали на войну.

При входѣ Миши въ конюшню Воронуха оглянулась, мотнула головой и опять принялась за жвачку. Поздоровалась по-своему, по-лошадиному.

Миша спросилъ весело:

— Ну, какъ поживаешь, Воронуха? Все жуешь?

Подошелъ къ ней вплотную и сталъ разглаживать гриву:

— Слышишь, Воронуха, твоего хозяина на войну потребовали.

Воронуха наострила уши, перестала жевать. По всему было видно, что Воронуха ничего не знала, и надо ей рассказать. Но Миша задумался: пойметъ-ли она? И еще сильнѣе задумался—а что онъ-то самъ знаетъ?..

— Мобилизація!—произнесъ Миша громко и споткнулся на этомъ словѣ: въ первый разъ ему пришло въ голову—вѣдь, отецъ-то пойдетъ на войну—его не будетъ, какъ же Воронуха-то останется безъ него? Самъ онъ Миша, братья и сестры съ матерью останутся, а кто же будетъ ѣздить на Воронухѣ? Напоить, накормить Миша можетъ... запречь можетъ, а потомъ какъ?

Миша ужъ спрашивалъ Воронуху, она его не понимала, но снова наострила уши и жевать перестала.

— Вотъ такъ штука!—произнесъ Миша, послѣ долгаго раздумья, но вдругъ спохватился:—работника наймутъ!—мелькнуло у него въ головѣ.

Но эта мысль не понравилась Мишѣ.

— Легко сказать—работника наймутъ, а каково съ работникомъ-то? Наказанье Господне! Лошаденку измотаетъ, бить будетъ, кнутомъ захлещетъ, а вдобавокъ пьющій...

Жаль стало Воронуху, обнялъ ее за шею и произнесъ ласково:

— Ладно! Можетъ, пронесетъ Господь Богъ...

Цѣлый день Миша проторчалъ на улицѣ. Вотъ когда поднялся весь народъ! И все запасные, какъ и его отецъ. Съ утра тотъ, другой, третій шли, торопились, чуть не бѣжали, поодинокѣ, и все на сборный пунктъ, а послѣ обѣда по улицамъ ужъ двигались цѣлые полки. И кого-кого тутъ не было! И простой народъ—мастеровые, рабочіе, и всякіе господа въ шляпахъ, котелкахъ и цилиндрахъ, бритые и съ бородами. И такихъ, какъ Мишинъ отецъ, тоже было не мало. Шагали по улицамъ, какъ солдаты, но еще во всемъ своемъ, безъ формы, и такіе господа, которые прежде на лихачахъ развѣзжали... Миша только почесывалъ затылокъ отъ всего этого.

«Вотъ оно что,—разсуждалъ онъ:—и чиновники съ кокардами, и которые въ золотыхъ очкахъ, должно ученые—всѣмъ мобилизація!..»

Миша бѣжалъ то за одной, то за другой партіей запасныхъ, стараясь разглядѣть между ними своего отца. И самъ не прочь-бы шествовать въ ихъ рядахъ, да малъ еще былъ, не выросъ. Такъ онъ пропустилъ мимо себя безчисленное множество запасныхъ, пытаясь взглянуть въ лицо каждаго отдѣльнаго человѣка, но отецъ все не появлялся. И ужъ подъ конецъ Миша со страхомъ думалъ: «а можетъ и впрямь забраковали! Нонѣтъ!». Миша этому не хотѣлъ вѣрить. Обидѣлся на самого себя, что такъ подумалъ: и самъ, молъ, героемъ могу быть, только въ годахъ не вышелъ! Такъ онъ о многомъ передумалъ за это время. И ужъ о судьбѣ Воронухи не тревожился.

«Какъ-нибудь справимся. Можетъ, изъ деревни кого выпишутъ изъ своихъ племянниковъ! Тамъ, въ деревнѣ у папы и мамы родня большая!»—разсуждалъ онъ. Увидѣлъ новую партію запасныхъ—вывернулись изъ-за угла. Побѣжалъ навстрѣчу и, наконецъ, дождался кого ему надо было, но не сразу узналъ отца.

Мишинъ отецъ отъ сидячей извозчичьей жизни на козлахъ чуть-чуть сгорбился, а тутъ выпрямился, выше сталъ ростомъ и взглядъ такой воинственный! Шель онъ въ первыхъ рядахъ, и Миша чуть не пролетѣлъ мимо—отецъ окликнулъ его. И тутъ только Миша узналъ своего отца, обрадовался, и такъ, точно отецъ его ужъ отличился, проявилъ отвагу. Провожатыхъ было много: жены запасныхъ, матери, братья, сестры, и Миша пошелъ рядомъ съ отцомъ, стараясь шагать въ ногу, какъ настоящій солдатъ. Отецъ ласково улыбнулся и вполголоса, чуть-чуть хмуря брови, сталъ спрашивать: какъ тамъ мать и всѣ малыши угомонились, перестали лить слезы?

Миша постарался успокоить отца, но не могъ утаить правды о своей любимой лошаdkѣ и сказалъ шопотомъ, въ тонъ отца, что Воронуха пригорюнилась, малость повѣсила голову. Отецъ вздохнулъ, но самъ-то голову не повѣсилъ и произнесъ съ вѣрой и надеждой:

— На все воля Господня!..

Миша шель съ отцомъ, шагаль нога въ ногу, пока можно было, потомъ разстался. Отецъ велѣлъ бѣжать домой сказать матери, что «все обстоитъ благополучно».

— Скажи, къ вечеру вернись домой. Не сразу въ походъ: денька три вотъ такъ-то погуляемъ. Да за Воронухой приглядите.

Миша стрѣлой полетѣлъ къ своему дому. Весело и звонко разсказалъ матери о встрѣчѣ съ отцомъ и малышей порадовалъ разсказомъ, какъ отецъ маршируетъ по питерскимъ улицамъ «грудью впередъ». Потомъ пошелъ въ конюшню къ Воронухѣ прибавить сѣнца и съ ней подѣлиться своей встрѣчей съ отцомъ.

Выслушавъ все по порядку, Воронуха мотнула головой и весело заржала. А рѣдко это бывало съ ней, но надо было послушать Мишу, чтобы развеселиться и Воронухѣ.

Еще засвѣтло отецъ вернулся домой съ отпускомъ до семи часовъ утра слѣдующаго дня.

— А завтра, можетъ, не вернусь — отправятъ, только неизвѣстно куда, спѣшка идетъ большая. Сегодня надо обсудить по порядку, какъ вы тутъ безъ меня останетесь, — сказалъ онъ матери спокойнымъ дѣловымъ голосомъ.

Мать пуще прежняго пригорюнилась, но слезамъ воли не дала. Цѣлый день она ходила, какъ потерянная, все у нея валилось изъ рукъ — забывчивая стала. Когда послѣ ужина стала заваривать чай, въ чайникъ вмѣсто чая положила двѣ ложки соли. Отецъ ужъ ее остановилъ.

— Смотри поддержишься — возьми себя въ руки, — сказалъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, хмурия брови.

И Миша пригорюнился: что-то то да не то, — ворошилось у него въ головѣ. Боялся, ужъ какъ бы не расплакаться. Послѣ ужина за чаемъ отецъ съ матерью обсуждали свои дѣла. Изъ ихъ разговора Миша понялъ, что дѣла не важныя.

Достатки плохія, никакихъ сбереженій нѣтъ, а пособіе выдадутъ не скоро, не сразу всѣхъ-то, которые останутся безъ отцовъ, перепишутъ. И пособія не хватить на пропитаніе всей семьи. И больше всего дѣловъ съ Воронухой: она была кормилицей и полицей, а теперь хоть въ ту же пору продавай лошаденку. А работника нанимать — денегъ стоитъ и не маленькихъ. Жалованье ему надо платить, а такъ-то всей семьей не прокормиться. А теперь, когда того, другого, третьяго коснулась мобилизація, рабочія руки вздорожали.

— Безпремѣнно надо написать въ деревню, такъ и такъ, молъ, мобилизація, — пояснялъ матери отецъ. — Братевъ всѣхъ оповѣстить. Закинь словечко своему родителю, такъ и такъ, молъ... Братенника Игната спросить, не пошлетъ-ли онъ своего Егорку, парень къ землѣ не прилѣпился, надо же какой-нибудь предѣлъ имѣть. Словъ нѣтъ, извозчичье дѣло не ахти какое, да кому что! А съ другой стороны и изъ деревни исходъ не малый, запасъ большой, кого теперь не коснулась мобилизація, и тамъ нужны работники до зарѣзу, которые остались. Вотъ тутъ и сведи концы съ концами. Какъ ни бросай, а все клиномъ выходить!

Крѣпко задумался Мишинъ отецъ и голову склонилъ, должно быть много накопилось всякихъ думъ, отяжелѣла. И не любилъ онъ много разговаривать, а тутъ развязался языкъ.

«Должно, и впрямь тяжело отцу», — подумалъ Миша. Онъ прислушивался къ его словамъ и все на усь моталъ. Изъ разговора матери съ отцомъ Миша понялъ, что его-то не считаютъ работникомъ, помощникомъ семьи, не о немъ рѣчь идетъ, а его считаютъ такимъ же малышомъ, какъ Коля и Степа. Миша понималъ это хорошо, но не могъ же онъ въ такое время обижаться. И, ложась спать, думалъ о разговорѣ отца съ матерью. Новая забота приключилась.

«О племянникахъ разговоръ былъ, — разсуждалъ самъ съ собой Миша: — а племянниковъ-то, можетъ, тоже на войну потребуютъ, вотъ тутъ и обернись! Вонъ и въ деревняхъ мобилизація, а кого не взяли на войну, всякой деревенской работы уйма, надо хлѣбъ убирать, страдная пора и то-другое по хозяйству, и ума не хватить — къ чему приложить руки. А тутъ Воронуха безъ хозяина осталась, вотъ тутъ подумай, да и попляши!»

Съ этими мыслями Миша и заснулъ.

III.

Родился Миша в деревнѣ, а выросъ в Петербургѣ. В столицу привезли его пяти лѣтъ, а теперь ужъ ему шель четырнадцатый годъ, и рослый былъ малый. Учился онъ в начальной школѣ и кончилъ ее съ похвальнымъ листомъ. Надо бы учиться дальше, но отецъ сказалъ: «хватить съ тебя и этого, много будешь знать, скоро состаришься». Хоть и добрый, но темный былъ человекъ Мишинъ отецъ. Собирался пристроить Мишу къ какому-нибудь мастерству, но и этого не могъ рѣшить сразу, тяжель былъ на подъемъ.

— Пусть годикъ-другой поживетъ дома, а тамъ видно будетъ, не велики года-те. Вырастетъ—и человекомъ будетъ. Вотъ и я нигдѣ и никакъ не учился, а человекомъ сталъ, хоть и не великъ куликъ извозчикъ, а сотворенъ по образу Божию, какъ и всѣ люди, и всѣ человекки.

Хотя Миша и не одобрялъ отцовскаго характера, но во всемъ его слушался и терпѣливо ждалъ, когда отецъ раскачается и сведетъ его въ слесарно - токарную мастерскую или еще куда.

«Что-жь!—думаль онъ,—быть какимъ-нибудь хорошимъ мастеромъ тоже не плохо». И такъ онъ ждалъ отцовскаго рѣшенія, всѣ уши ему прожужжалъ и все вѣриль, что сдвинется же отецъ когда-нибудь съ мѣста и отдастъ его на обученіе мастерству. И нынѣшнимъ лѣтомъ отецъ, наконецъ, сдвинулся съ мѣста, надумаль, нашель мастерство для Миши, вель ужъ переговоры съ какимъ-то большимъ мастеромъ, и на чугунно-литейномъ заводѣ, а не гдѣ-нибудь у токаря въ подвальчикѣ или у холоднаго слесаря, который ходитъ по дворамъ и выводитъ на всѣ лады: «чинить, починять котлы, кастрюли, чайники». Выходило Мишѣ мѣсто въ токарно-слесарной мастерской чугунно-литейнаго завода, его приняли ученикомъ, какъ и всѣхъ будущихъ подмастерій и мастеровъ.

«Первымъ дѣломъ надо вникнуть во все, какъ и что, подтянуться надо, чтобы все въ рукахъ кипѣло, а голова работала»,—такъ строилъ Миша свои планы, но ему не суждено было ихъ осуществить, по крайней мѣрѣ теперь же, въ скоромъ будущемъ. Грянула война, и отца призвали въ дѣйствующую армію, все это свалилось, какъ снѣгъ на голову. Отецъ ужъ не могъ ни о чемъ думать, какъ только о сборахъ на войну, и самъ Миша на это время забыль о строительствѣ своего будущаго, кругомъ творилось что-то небывалое, неслыханное и невиданное, и впрямь поднялся весь народъ, онъ это слышалъ и видѣль на каждомъ шагу, куда ни шель, гдѣ ни останавливался на своей Боровой улицѣ, хоть это и далеко было отъ центра столицы, на самой окраинѣ, но звонъ колокола, бьющаго призывъ стать грудью за родину, разносился далеко-далеко, и небо его слышало.

Мишинъ отецъ отправился въ дѣйствующую армію на третій день послѣ объявленія мобилизаціи. Мать провожала его, съ раннего утра пошла въ казармы, гдѣ-то на Обводномъ каналѣ, откуда отправился полкъ, въ который былъ зачисленъ Мишинъ отецъ. Наказала Сашѣ, чтобы она хорошенько смотрѣла за маленькими въ ея отсутствіе изъ дому. И Миша получилъ отъ матери такую же инструкцію, но Саша и одна могла справиться и съ малышами и съ хозяйствомъ, проворная она была и работающая и, какъ большая, могла сварить и испечь, что надо, чтобы всѣ сыты были. А Миша надумаль совсѣмъ другое, ночью это ему пришло въ голову, послѣ разговора отца съ матерью, наканунѣ того дня, когда Мишинъ отецъ отправлялся въ дѣйствующую армію и оставляль всѣхъ ихъ на попеченіе Господне.

Миша въ этотъ вечеръ заснулъ какъ только легъ, а потомъ проснулся почему-то, можетъ быть, отъ того, что клопы кусали, и задумался.

«Нѣтъ, я могу!—произнесъ онъ чуть не вслухъ:—на племянниковъ нечего надѣяться, и тоже вѣдь жалованье надо платить, да и ждать надо, кто вздумаетъ пріѣхать—Егорка, Ефимка, али Степанъ, жди тутъ... А Воронуха безъ всякаго дѣла стоитъ, кормъ нуженъ, каждый день подсыпать овса, дать сѣнца, и самимъ кормиться надо, на кого надѣяться-то!

Самъ отецъ сказалъ: «такъ-то можно надорваться и въ мѣсяць, а войнѣ можетъ конца краю не будетъ, да еще какъ Богъ сохранить! И какъ ни прикидывай, а четвертной билетъ на всю основу можетъ только-только наскребется, вотъ тутъ и сведи концы съ концами. Какъ тутъ быть, кто поможетъ? И Воронуха объѣдать будетъ, хоть продавай въ ту же пору». Здорово призадумались на послѣдкахъ-то отецъ и мать, только разводили руками, а о Мишѣ и не подумали, о старшемъ своемъ сынѣ чуть не четырнадцати лѣтъ.

Миша не на шутку возгордился своими годами, и что-то въ немъ заговорило, не то обида, не то жалость ко всѣмъ своимъ и еще что-то важное, необходимое, нужное теперь же, подняло его духъ, сдѣлало большимъ въ собственныхъ глазахъ, самостоятельнымъ, готовымъ и способнымъ на самые рискованные поступки. Захотѣлъ Миша стать храбрымъ и отличиться хоть и не на полѣ сраженія.

«Только тряхнуть плечами,—разсуждалъ онъ,—и сила будетъ, сноровка будетъ, все будетъ, что надо извозчику, чтобы прокормить, пока отецъ на войнѣ, и мать свою, и малышей братишекъ и сестреночекъ, и чтобы Воронуха не горевала. Вотъ штука-то! А что они думаютъ, что я не могу,—нѣтъ, могу! Справлюсь съ Воронухой, какъ дважды два—четыре. Надѣтъ, снять резиновыя шины—могу, смазать колеса, приладить, пригладить въ пролеткѣ, что не такъ—могу, запречь—могу, выѣхать—могу, править лошадыю—умѣю, хоть на тройкѣ прокачусь! Знаю, какъ ѣхать по улицѣ, когда по лѣвой сторонѣ, когда по правой! И трамвай не налетитъ, и автомобиль не расшибетъ—буду ухо востро держать, какъ присягу, буду помнить, что надо смотрѣть налево и направо во всѣ глаза, въ своей спинѣ глаза прокопаю и сзади буду видѣть, кого на меня несетъ нелегкая. На чеку буду каждую минуту, а Воронуха не выдастъ, съ ней-то мы споемся, жалѣть буду, во всю прыть гнать не буду, а не понравится какому барину, что тихо везу—не надо, садись на лихача, а я найду своего сѣдока, такъ вотъ приловчусь и за милую душу буду зарабатывать копейку—смотрите, моль, новый извозчикъ отца на войну проводилъ!»

Съ этимъ Миша и заснулъ, съ этимъ и проснулся...

IV.

Отецъ ушелъ рано утромъ, потихоньку, не велѣлъ матери будить малышей, чтобы не подняли «содомъ». Проводила ихъ изъ дома Саша, разговаривала съ отцомъ и съ матерью шопотомъ и ходила на цыпочкахъ, чтобы не разбудить малышей. И Миша проворонилъ отца, проснулся, а его уже и слѣдъ простылъ. Обидѣлся на Сашу, что не разбудила еѣ-время. Ну, да отецъ ужъ съ вечера попрощался со всѣми и благословилъ.

— И то зачѣмъ тревожить-то понапрасну, и безъ того ему тяжело, а малыши подняли-бы вой на всю квартиру... такъ и ушелъ, крадучись,—сказала Саша. И, конечно, она была права. Миша ужъ не сердился на нее, да и некогда было:

онъ рѣшилъ привести въ исполненіе свой планъ, который не то приснился ему во снѣ, не то онъ самъ придумалъ проснувшись въ полночь, лежа въ постели съ открытыми глазами, озабоченными горемъ отца и матери. И не нужно было терять времени—онъ рѣшилъ съ ранняго утра выѣхать на биржу, чтобы къ вечеру набить карманы до краевъ наѣзженными деньгами. Онъ и самъ не зналъ, сколько можетъ заработать, на сколько его самого хватить, вѣдь не большой, не взыправдашній извозчикъ, но Мишѣ почему-то казалось, что онъ удивитъ своимъ заработкомъ сегодняшнимъ не только свою мать, вмѣстѣ съ Сашей и малышами, но и сосѣди будутъ разводиться руками: вотъ, моль, отличился парень.

Первымъ долгомъ отправился въ конюшню къ Воронухѣ и даже съ нѣкоторой гордостью: «теперь мы будемъ, моль, разговаривать иначе».

Уходя изъ дому, и Богъ вѣсть на какое время, Мишинъ отецъ зашелъ въ конюшню попрощаться и съ Воронухой, это было видно изъ большой охапки свѣжаго сѣна, которую уплетала Воронуха. И, при появленіи въ конюшнѣ Миши, она весело заржала и нетерпѣливо стала бить копытами: соскучилась стоять безъ дѣла и, должно быть, почуяла, что ея молодой хозяинъ надумалъ, и, конечно, одобряетъ,—какъ-никакъ, а своя скотина...

Миша приступилъ сразу къ дѣлу и ужъ заговорилъ съ Воронухой, какъ самостоятельный мужикъ.

— Ну, Воронуха, ты ужъ въ моихъ рукахъ, я теперича—твой хозяинъ, больно-то не брыкайся, не смотри, что въ годахъ не вышель! Слышишь, извозчикомъ хочу задѣлаться,—произнесъ Миша уже тономъ дѣловаго человѣка, хотя и съ шуточкой, потрепалъ Воронуху по бедру и сталъ приводить ее въ порядокъ.

Воронуха насторожила уши и какъ-то насмѣшливо вильнула хвостомъ: «что-жь, дескать, дѣло хорошее, только справишься-ли, посмотримъ!».

— Справлюсь, справлюсь, Воронуха, только ты поддержишь, не выдавай, держи ухо востро, вѣдь городъ—столица! Трамвай и прочіе причиндалы, надо въ оба смотрѣть, чтобы косточки не поломали, а притѣснять тебя я не буду. Словъ нѣтъ, отвѣтственности много, какъ что промахнулся, сейчасъ въ участокъ и протоколь, а штрафъ заплатишь и не оглянешься, записалъ городской номеръ и—выкладывай три цѣлковыхъ. Все это мнѣ извѣстно, хоть и не извозничалъ я, а насмотрѣлся, какъ и што! Отецъ-то нашъ потрудился не мало, всего бывало, теперь мы потрудимся, а тамъ видно будетъ, можетъ, Богъ его сохранить, тогда ужъ я ему вожжи въ руки, а самъ на чугунно-литейный, за мастерство возьмусь.

Такъ Миша и приступилъ къ сборамъ для выѣзда на биржу. Почистилъ Воронуху щеткой, расчесалъ ей гриву, потомъ выкатилъ изъ того же сарайчика, гдѣ была конюшня, пролетку, хотя и не блестящую, но чистенькую. И не трудно было съ ней справиться, легкая, на резиновыхъ шинахъ, только двинь, на ровномъ мѣстѣ сама покатится.

Послѣ всѣхъ хлопотъ, на которыя потратилъ четверть часа, не больше, Миша уже сидѣлъ на козлахъ. Въ это время изъ квартиры выбѣжала Саша и ротъ разинула отъ удивленія.

— Куда ты?—ничего не понимая, произнесла Саша.

Миша свистнулъ кнутомъ, но не по Воронухѣ, а такъ, въ воздухъ, а такъ-то надо было умѣть, и лошадка съ мѣста пошла рысью.

И ужъ на ходу Миша отвѣтилъ Сашѣ:

— Деньги поѣхалъ зарабатывать, жди къ вечеру!..

А. Вережниковъ.

Окончаніе въ слѣдующемъ №.

Пусть...

Пусть, дитя, надъ рѣкою висятъ
Целеною сѣдые туманы,
Пусть не пѣшетъ багрянцемъ закатъ
И въ садахъ умираютъ тюльпаны.

Пусть летятъ крикуны-журавли
Къ теплымъ странамъ далекаго юга,
И поверхность размятшей земли
Заметаютъ морозная вьюга.

Пусть безжалостна смерть и сильна,
Всюду ставитъ гробы снѣговые,
Вѣрь, дитя, чаровница весна
Вновь разсыплетъ цвѣты огневые.

А. Курьезъ - Гатчинскій.

Дорого начало.

Холодно въ окопахъ бѣдному солдату:
Вся шинель промокла и въ водѣ сапогъ.
Уронилъ онъ на-земь острую лопату,
Голову понурилъ и неволитъ вздохъ.

„Кто-то вспомнитъ жертву, безвѣстный подвигъ?“
„Я,—сказалъ Ванюша, мальчижъ лѣтъ шести:—
Буду собирать я по копейкѣ, по двѣ;
Сласти и орѣхи—все теперъ прости!“

Что сказалъ, то сдѣлалъ. Сумма небольшая
Собралась въ копилкѣ. Да Ванюша мой
Не одинъ на свѣтѣ; Родина святая
Всѣхъ зоветъ на помощь, на борьбу съ нуждой.

Много васъ, ребята. Всѣ—хоть по монеткѣ—
Бѣдному солдату теплое бѣлье.
Собирайте въ кружку, торопитесь, дѣтки!
Холодно въ окопахъ, это не жиле!

А. Липецкій.

СЪ ШИРОКОЙ МАСЛЕНИЦЕЙ!

Философъ и столяръ.

Сказка Алексѣя Липецкаго.

Когда-то очень давно жилъ на свѣтѣ философъ. Весь свой вѣкъ просидѣлъ онъ надъ книгами, стараясь постичь сокровенныя тайны природы. Многое было доступно ему, зналъ онъ законы движеній свѣтилъ небесныхъ, зналъ, въ какомъ столѣтїи какія существовали философскія школы; сѣдая голова его была точно огромный неисчерпаемый справочникъ. Одного только не могъ постичь философъ—жизни. Съ каждымъ днемъ она все дальше и дальше уходила отъ него, онъ забывалъ, какъ и чѣмъ живутъ люди, и постепенно шкафы съ книгами и письменный столъ замѣнили ему все неисчислимое богатство и красоту міра.

Философъ вставалъ очень рано, наскоро пилъ чай и садился за работу. Онъ писалъ какую-то мудреную толстую книгу. Мысли одна другой грандіознѣе приходили въ его ученую голову, и одного хотѣлось ему тогда, чтобы кругомъ была мертвая тишина. Но этого-то какъ разъ и не доставало. Въ нижнемъ этажѣ дома, въ которомъ поселился философъ, жили очень беспокойные люди. На дверяхъ ихъ подвальныхъ квартиръ красовались различнаго рода вывѣски съ изображеніемъ обуви, жестяной посуды, мебели и проч., и едва просыпалось утро, какъ мастеровой людъ начиналъ свой разнообразный концертъ. Визжала пила, стучали молотки, пронзительно лязгало желѣзо—цѣлый адъ. Философъ невольно прислушивался къ этимъ звукамъ, раздражался и не могъ работать.

Больше всего донималъ его столяръ.

Этотъ веселый мастеръ имѣлъ привычку пѣть. Раскачиваясь съ утра до вечера надъ своимъ скрипучимъ верстакомъ, столяръ непрерывно напѣвалъ

пѣсно за пѣсней. Съ пѣніемъ лучше спорилась работа, а живущій этажомъ выше философъ сердился. «Вотъ бездѣльникъ!—ворчалъ онъ, шагая изъ угла въ уголь по кабинету.—Прямой бездѣльникъ!» Наворчавшись вдоволь, философъ снова садился за письменный столъ, окуналъ перо въ чернильницу, но столяръ продолжалъ пѣть,—привыкшія къ тишинѣ мысли философа разбѣгались, какъ мыши; онъ зачеркивалъ написанное, снова писалъ, и въ концѣ концовъ съ досадой рвалъ бумагу на мелкіе клочки и выбрасывалъ за окно.

Клочки летѣли внизъ. Подхваченные вѣтеркомъ, они какъ разъ попадали въ мастерскую къ веселому столяру.

«Вотъ бездѣльникъ живетъ тамъ вверху,—подбирая и разсматривая клочки, говорилъ столяръ.—Дѣлать должно быть нечего, онъ и переводить безъ толку бумагу. Много ихъ теперь развелось такихъ. Хотятъ учить народъ какъ жить, а сами топорища сноснаго сдѣлать не умѣютъ».

Поворчавъ такимъ образомъ, столяръ опять принимался за работу, и звонкая, веселая пѣсня сопровождала его работу.

Такъ проходили дни за днями.

Однажды, когда философа не было дома, прислуга, смахивая со стѣнъ пыль, наступила обѣими ногами на крышку письменнаго стола и проломила ее.

— Что-же я теперь буду дѣлать? На чемъ писать?—говорилъ философъ, тебя свои длинные сѣдые волосы.

— Не извольте беспокоиться, батюшка! виновата, очень виновата я, неразумная. А только прикажите позвать столяра, онъ это дѣло мигомъ поправитъ.

И прислуга, не дожидаясь распоряженія, побѣжала за столяромъ...

— Здравствуйте!—громко сказалъ столяръ, входя въ кабинетъ.—Чѣмъ могу служить?

«Знакомый голосъ,—подумалъ ученый.—Я гдѣ-то слышалъ его».

Столяръ, переминаясь съ ноги на ногу, ждалъ.

Это былъ средняго роста, худощавый, вихрастый человѣкъ въ холщевомъ передникѣ и какой-то необыкновенной обуви.

«Ага! это опорки»,—вспомнилъ философъ и, подымая на лобъ большія оловянные очки, сказалъ:

— Вотъ что, милый человѣкъ... к-ге... прислуга моя говорить, что ты можешь привести въ порядокъ этотъ столъ...

— Можемъ, отчего-же...

— А скажи, кстати... к-ге... это ты поешь каждый день? Голосъ твой мнѣ знакомъ...

— Балуемся малость...

— То-то, балуемся... к-ге... Бездѣльничаешь, должно быть, милый мой. Когда человѣкъ занятъ, ему не до пѣсень. Вотъ я, человѣкъ труда, человѣкъ науки, не пою, а ты поешь и мнѣ мѣшаешь...

— Кому какъ, ваша милость... а насчетъ того, что мы бездѣльничаемъ, зашли-бы, сударь, да убѣдились... Ученымъ людямъ иной разъ не мѣшаетъ кое-что посмотреть...

Столяръ откланялся, а черезъ нѣсколько минутъ пришелъ съ двумя чумазыми подмастерьями и взялъ столъ.

Внизу опять беззаботно зазвучала пѣсня.

День былъ веселый, солнечный. Надъ каменнымъ колодцемъ двора разстился голубой бархатъ неба. Гдѣ-то подъ крышей задорно чирикали воробьи. По-

среди́нѣ двора въ палисадникѣ подѣ чахлыми, оживающими послѣ долгой зимы березками играли и смѣялись дѣти.

Скучающій безъ своего стола, философъ подошелъ къ окну и залюбовался. Точно впервые увидѣлъ онъ все это: и солнце, и небо, и блѣдно-зеленые листочки, а больше всего его заинтересовали дѣти. «Какіе жизнерадостные карлики,—подумалъ онъ.—Надо будетъ заняться изученіемъ этого удивительнаго племени. Надо, надо»... и почему-то невольно вспомнилъ при этомъ веселаго столяра. «Что онъ дѣлаетъ тамъ съ моимъ столомъ? И какъ это можно исправить сломанную крышку? Въ наукѣ ничего объ этомъ не говорится». И захотѣлось философу пойти въ мастерскую къ столяру, посмотрѣть на его работу...

— Ну, вотъ, я къ тебѣ въ гости!—сказалъ онъ, входя въ низкій полутемный подвалъ, и тутъ же споткнулся на какой-то деревянный брусъ.

— Осторожнѣй, сударь. У насъ тутъ каждый клочекъ пола занятъ. Помѣщенія мало, а заказовъ много... Ну-ка, Петька!—крикнулъ столяръ мальчишкѣ-подмастерью.—Поддай ихней милости тубареточку!..

Философъ съ безграничнымъ удивленіемъ смотрѣлъ вокругъ. Никогда въ своей жизни онъ не видѣлъ ничего подобнаго. Всюду различной величины доски, свѣтлыя, ровныя, душистыя, какъ лѣсъ весною; подѣ ногами кудрявыя золотыя стружки; на стѣнахъ въ особо приспособленныхъ корытцахъ висѣли какіе-то невиданные инструменты: это были рубанки, фуганки, шершебки, долота и проч. Нѣсколько штукъ готовой мебели стояло въ сторонѣ, ожидая полировки. Свой письменный столъ философъ увидѣлъ безъ сукна, безъ крышки, съ вынутыми ящиками.

— Послушай, милый человѣкъ! Что же это ты сдѣлалъ?—воскликнулъ онъ, обращаясь къ столяру.

Столяръ улыбался. Подмастерья бросили работать и съ удивленіемъ смотрѣли на чудака-барина.

— Не извольте беспокоиться, ваша милость. Все будетъ въ исправности,—сказалъ столяръ.

— Что же это ты самъ сдѣлаешь?

— Самъ.

— И это ты сдѣлалъ?—спросилъ философъ, указывая на мебель.

— Мы.

— А ведро это кѣмъ сдѣлано? Тѣ же тобой?

— Нѣтъ, это жестяникомъ.

— А печка?

— Печникомъ.

— Вотъ оно что. Значить, каждая вещь кѣмъ-нибудь да сдѣлана. Признаться, это мнѣ не приходило въ голову... а скажи, не скучно это всю жизнь дѣлать однѣ и тѣ же вещи?

— Скучно, сударь, безъ дѣла сидѣть, а работать никогда не скучно. Отъ работы живемъ. А взгрустнется—пѣсню затянемъ да на дѣтишечекъ поглядимъ. У меня ихъ, вонъ, трое...

— Такъ это твои дѣти на дворѣ играютъ?

— Мои.

Задумался философъ, а когда вернулся домой, пошире распахнулъ окно и съ удовольствіемъ слушалъ пѣсню, которую распѣвалъ внизу неунывающій столяръ.

Алексѣй Липецкій.

Какъ надо читать книги.

Не всякій грамотный можетъ прочесть съ пользою всякую книгу. Есть, правда, книги, которыя доступны всякому, и даже малограмотный и совсѣмъ необразованный человѣкъ пойметъ все, что въ нихъ написано. Но такихъ книгъ немного, большая же часть ихъ требуетъ отъ читателя нѣкоторой подготовки, различныхъ знаній, а главное—привычки читать серьезные книги и умѣнія разбираться въ томъ, что онѣ сообщаютъ.

Обыкновенно непонятная книга и неинтересна для того, кто ее читаетъ, и потому ее или не кончаютъ или, прочитавъ, забываютъ. Такое чтеніе можно считать напрасно потеряннымъ временемъ. А сколько людей теряютъ такимъ образомъ драгоцѣннаго времени только потому, что не умѣютъ выбирать и читать книги, какъ слѣдуетъ!

Чтеніе чтенію рознь. Гоголевскій Петрушка (слуга Чичикова изъ сочиненія „Мертвыя души“) читалъ много и любилъ читать, но нравилось самое занятіе чтеніемъ, которому онъ могъ предаваться въ скучные часы и дни, когда у него не было никакого дѣла. Такое чтеніе не можетъ считаться полезнымъ занятіемъ. Такихъ Петрушекъ теперь, правда, даже среди малограмотныхъ мало, но зато много и очень много читателей, которые, хотя, и понимаютъ всѣ слова въ книгѣ, но не стараются вникнуть въ ея содержаніе, нисколько не думаютъ о томъ, для чего написана эта книга и что полезнаго можно узнать изъ нея. Они читаютъ тоже только для того, чтобы провести время, и забываютъ сейчасъ же, если не все, что прочитали, то самое главное—содержаніе прочитаннаго. Это тоже почти бесполезное чтеніе. Хорошо, если это чтеніе доставляетъ хотя нѣкоторое удовольствіе, а то и того не бываетъ, а читаютъ эти люди просто отъ скуки, чтобы какъ-нибудь убить время.

Многіе читаютъ только для удовольствія, и черезъ это большинство пріобрѣтаетъ охоту къ чтенію. Такое чтеніе нельзя считать бесполезною тратою времени. Надо только, чтобы читатель старался понемногу вникать, что именно въ книгѣ приноситъ ему удовольствіе. Высшее и разумное удовольствіе человѣка заключается въ томъ, что человѣкъ начинаетъ чувствовать себя лучше, умнѣе, добрѣе, и такимъ могутъ сдѣлать его хорошія книги. И вотъ, когда читатель пойметъ, что книги могутъ оказать ему такую неоцѣненную услугу, онъ станетъ уже по-иному относиться къ нимъ. И тогда чтеніе будетъ приносить ему гораздо большую пользу, пополняя его умъ новыми знаніями.

Но для того, чтобы всѣ книги, которыя мы читаемъ, дѣйствительно приносили намъ пользу, надо читать ихъ внимательно, ни на минуту не упуская изъ виду, что всякая непонятная страница пропадаетъ для насъ даромъ. А развѣ не случается иной разъ, что голова устааетъ и перестаетъ понимать читаемое, а глаза продолжаютъ пробѣгать страницу, языкъ произноситъ слова, если чтеніе ведется вслухъ. Прочитаешь страницу, другую, остановишься и вдругъ почувствуешь, что ничего не помнишь изъ того, что читалъ. Въ такомъ случаѣ надо или перечитать внимательно эту страницу или совсѣмъ оставить на время книгу и заняться другимъ дѣломъ чтобы дать отдыхъ головѣ.

Но одного внимательнаго чтенія недостаточно. Надо постоянно вдумываться въ то, что читаешь. Если васъ удивитъ какая-нибудь мысль или слова, если покажется страннымъ какое-нибудь мѣсто, то необходимо остановиться, перечитать это мѣсто и подумать о немъ. Послѣ чтенія какой-нибудь главы или отдѣла тоже слѣдуетъ сдѣлать передышку, и хоть минутку подумать о томъ, что было прочитано, припомнить хоть въ самыхъ общихъ чертахъ. Оставивъ чтеніе, хорошо потомъ черезъ нѣсколько времени возстановить его содержаніе и главныя мысли въ своей памяти, подумать о томъ, что узналъ новаго и интереснаго. Хорошо, если у васъ есть кто-нибудь, съ кѣмъ можно подѣлиться своими впечатлѣніями,—тогда прочитанное становится особенно яснымъ и твердо укладывается въ памяти, да и интересъ къ нему повышается, если встрѣчаешь сочувственное отношеніе въ другомъ человѣкѣ.

Игры и развлечения.

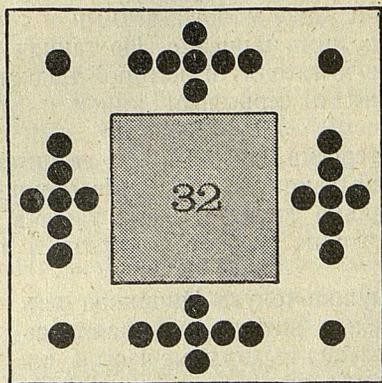

Рис. 1.

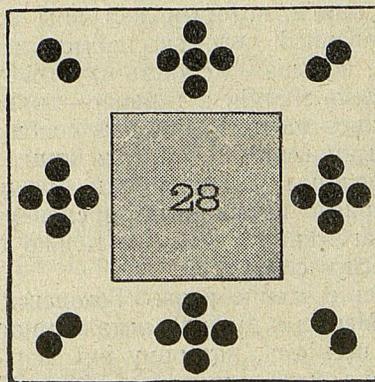

Рис. 2.

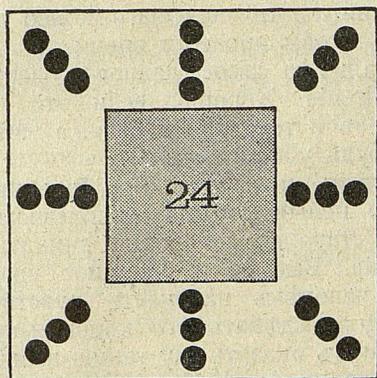

Рис. 3.

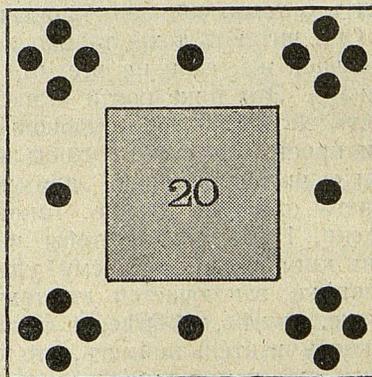

Рис. 4.

Лакомка (задача).

У одной матери былъ сынъ—страшный лакомка. Однажды, желая его испытать, она разложила въ кладовой 32 яблока въ слѣдующемъ порядкѣ (см. рис. 1). На столѣ она начертила квадратъ и положила въ каждый уголь по 1-му яблоку, а посрединѣ каждой стороны—по 7 яблокъ. Она думала, что ей достаточно подсчитывать только сумму яблокъ съ каждой стороны.

Однако, нашъ лакомка пустился на хитрость. Онъ съѣлъ 4 яблока, а остальные переложилъ въ другомъ порядкѣ, но такъ, что число 9 при подсчетѣ каждой стороны осталось. Мать ничего не замѣтила, а сынъ взялъ еще 4 яблока, а другія опять переложилъ такъ, что съ каждой стороны выходило 9 штукъ. Эту продѣлку онъ повторилъ и третій разъ. Но теперь мать сосчитала все яблоки, которыхъ оказалось вмѣсто 32-хъ только 20. Рѣшите, какую хитрость придумалъ нашъ лакомка и что получилъ отъ матери вмѣсто яблокъ?

Отвѣтъ см. рис. 2, 3 и 4.

Редакторъ-Издатель Н. В. Корецкій.

1915 г.

Продолжается подписка на 1915 г.
на двухнедельный,

10-й годъ
изданія

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

съ картинами въ краскахъ

ПРОБУЖДЕНІЕ

Гг. подписчики получаютъ въ теченіе 1915 года:

24 РОСКОШНЫХЪ ВЫПУСКА ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНАГО И НАУЧНАГО ЖУРНАЛА „ПРОБУЖДЕНІЕ“.

50 ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ КАРТИНЪ: въ краскахъ, на паспарту, фототипіи, портреты и друг.

12 КНИГЪ, ВЪ 3-ХЪ ПЕРЕПЛЕТАХЪ СЪ ЗОЛОТЫМЪ ТИСНЕНИЕМЪ, ЮБИЛЕЙНАГО ИЗДАНІЯ СОЧИНЕНІЙ (по случаю 50-лѣтія со дня смерти): **М. И. МИХАЙЛОВА.** Книги романовъ, рассказовъ, стихотвореній и друг.

ДВА ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ УКРАШЕНІЯ ГОСТИНОЙ:

1. **АТЛАСНЫЙ ГОБЕЛЕНЪ**
въ стиль Людовика XVI-го.
Картина на атласъ Буше.

2. **ПОСЛѢ ТАНЦА.**
Изящный стѣнной горельефъ
художника Годварда.

Два украшенія столовой комнаты:

ПАНО-БАРЕЛЬЕФЪ
„Дикія утки“.

ПАНО-БАРЕЛЬЕФЪ
„Морскіе окуни“.

Художник: Ел. Магюръ и Ф. Зрая. Красивая имитация рельефныхъ бронзов. фигуръ.

ИЗЯЩНЫЯ УКРАШЕНІЯ КАБИНЕТА:

Дѣвушка съ голубями.
ГЕЛЛОГРАВЮРА СЪ КАРТИНЫ
художника Ш. Шаплень.
Размѣръ 47×68 сант.

Стильный японскій альбомъ
съ картинами японскихъ художниковъ и рельефнымъ тисненіемъ золотыхъ украшеній.

Роскошная стѣнная картина въ краскахъ

знаменитаго
итальян. худож.
ГЕРЦОНИ.

СОЛНЦЕ ВЗОШЛО!

работы пост.
Дв. Е. И. Велич.
Голике и Вильб.

Размѣръ 62×80 сант.

Въ ознаменованіе 10-лѣтія „Пробужденія“ будетъ выдана въ концѣ года
ЗНАМЕНИТАЯ АЛЛЕГОРИЧЕСКАЯ КАРТИНА ВЪ КРАСКАХЪ

извѣстнаго
художника
Ф. Лефлера.

ПОДЪ ШОПОТЬ ГРЕЗЪ

Размѣръ
картины
63×88 с.

Подписная цѣна: на первое полугодіе 4 руб.; на второе полугодіе 5 руб.; на 3 мѣсяца 2 руб.; на три мѣсяца 2 р. 50 коп. На меньшіе сроки подписка не принимается. За границу 12 руб.

Редакція журн. „ПРОБУЖДЕНІЕ“, Петроградъ, Невскій, 114.

Редакторъ-Издатель Н. В. КОРЕЦКІЙ.

Цѣна отдѣльнаго № журнала 40 коп.

1915 г.

Цѣнные подарки дѣтямъ!

3-й годъ
изданія

продолж. подписка на 1915 г. на двухнедѣльн.

РОСКОШН. ХУДОЖЕСТВЕН. ЖУРНАЛЪ

выдающихся произведеній ДѢТСКОЙ литературы

ЖАВОРОНОКЪ

съ картинами въ краскахъ, приложеніемъ книгъ и подарковъ дѣтямъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: Дѣтскіе рассказы, сказки, стихотворенія, Путешествія, Историческіе очерки. Уроки домашняго хозяйства. Рисованіе, музыка, пѣніе, дѣтскій театр, лѣпка. Работы для мальчиковъ. Уроки вышиванія, вязанія, кройки и друг. — для дѣвочекъ. Научныя статьи. Бесѣды съ дѣтьми на религіозныя темы. Спортъ. Физика и химія въ играхъ. Собираніе растений, бабочекъ, грибовъ, монетъ и проч. Рыбная ловля. Астрономія. Задачи, шарады. Игрушки. Дѣтскія моды.

БОЛЬШОЙ ОТДѢЛЪ ДѢТСКИХЪ ИГРЪ, РАЗВЛЕЧЕНІЙ И РАБОТЪ.

Постоянное участіе извѣстныхъ русскихъ писателей и ученыхъ.

ПОДПИСАВШИЕСЯ НА 1915 ГОДЪ ПОЛУЧАТЬ:

24 РОСКОШНО ИЛЛЮСТРИРОВ. ВЫПУСКА Литературнаго и Научнаго журнала ДЛѢ ДѢТЕЙ, въ изящныхъ обложкахъ.

24 ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ КАРТИНЫ: въ краскахъ, на паспарту, фототипіи, автотипіи и друг. для ДѢТСКОЙ КОМНАТЫ.

12 КНИЖЕКЪ съ картинками: РАЗСКАЗЫ для ДѢТЕЙ

ЗАБАВНУЮ СТѢННУЮ КАРТИНУ въ КРАСКАХЪ **СЧАСТЛИВЕЦЪ** худ. В. Циргесъ.

!! ЦѢННЫЕ ПОДАРКИ ДѢТЯМЪ !!

АЭРОПЛАНЪ БЛЕРІО
модель изъ составныхъ частей для склеиванія, на 4-хъ листахъ папки.

Точная **ГЛОБУСЪ** какъ научное пособие для склеиванія изъ составныхъ частей на 4-хъ листахъ папки.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА
Модель зданія для склеиванія, изъ составныхъ частей, на 2-хъ листахъ.

МУЗЕЙ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.
Модель зданія для склеиванія изъ составныхъ частей, на 4-хъ листахъ папки.

АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ИМПЕРАТОРСКІЙ ТЕАТРЪ.
Модель зданія для склеив. изъ составныхъ частей, на 4-хъ листахъ.

ДВИЖУЩІЯСЯ ИГРУШКИ
АЛЬБОМЪ вырѣзныхъ изъ папки ИГРУШЕКЪ - САМОДѢЛОКЪ.

ГЛАВНЫЯ ПРЕМІИ ГОДОВЫМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ:

25 КАРТОНАЖЕЙ для УКРАШЕНІЯ ЕЛКИ въ выдержанномъ древне-русскомъ стилѣ, художественно исполненныхъ **ЗОЛОТОМЪ** и **КРАСКАМИ** на 8-ми листахъ папки, для вырѣзыванія и склеиванія.

6 КОМИЧЕСКИХЪ ГОГОЛЕВСКИХЪ МАСОКЪ для дѣтскихъ костюмированныхъ вечеровъ. Типичное исполненіе красками по рисункамъ **БОКЛЕВСКАГО**: 1. Петръ Петровичъ Пѣтухъ. 2. Кувшинное рыло. 3. Коробочка. 4. Довгочунъ. 5. Собакевичъ. 6. Капитанъ Копѣйкинъ.

5 рублей на годъ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ пересылк. 5 р., на полгода 2 р. 50 к., на 3 мѣсяца 1 р. 25 к., на 1 мѣсяць—42 к.
Ред. журн. „ЖАВОРОНОКЪ“, Петроградъ, Невскій, 114.

5 рублей на годъ

Редакторъ-Издатель Н. В. КОРЕЦКІЙ.